

Мы приносили рукописи в Военмориздат. Машинистка пальцем, одеревенелым от холода, выстукивала длинные строчки прозы и коротенькие — стихов. Редактор, живший на одной тарелке супа и 200 граммах хлеба, внимательно читал рукопись, спорил об идее, заложенной в ней, и придирчиво проверял эпитеты.

Люди шатались от голода, но они знали, что брошюры нужны фронту, как хлеб и как пуля.

Четкий шрифт, яркая, с выдумкой обложка. Скромная надпись в углу. Эта книжка вышла в свет зимою 1941/42 г. в Ленинграде!

Почти все типографии города встали из-за отсутствия тока, кто-то из товарищей пошутил ласково и беззлобно: «Мне кажется, что мы пишем в догутенберговскую эпоху». Но и тогда, неожиданно, парторг ленинградского Военмориздата, технический редактор Макушевич, приносил нам, как голубя за пазухой, теплую горсточку только что отпечатанных наших книг.

Маленькие, в шестнадцатую долю листа, брошюры о ненависти к врагу, шестнадцатистраничный сборник стихотворений о Кронштадте, напечатанный зимой 1941/42 г. здесь, в блокадном кольце, и писатели, и читатели сберегут с особой любовью.

Мы многое пережили, осознали совершенно по-новому. Я увидел, как рождается поэзия из огня и пепла, крови и ненависти. Юношами повторяли мы прежде слова Тиля Уленшпигеля: «Пепел Клааса стучит в моем сердце». Тот, кто видел уничтоженные деревни, мученическую улыбку краснофлотца, сожженного на костре, по-иному произносит эти слова.

Комиссар морской бригады передал мне письмо и первые стихи одного из бойцов: «Товарищ комиссар! Я ленинградец, — рабочий, призванный 22 июня во флот. 1 октября в Ленинграде убило мою родную сестру, нет предела моей ненависти к врагу. Я хочу мстить, чем только могу. Я понял, что можно мстить не только штыком, но и пером».

Сотни стихотворений приходили во флотскую печать, публиковались в многотиражных газетах, боевых листках.

Штурман-подводник Николай Снегирев, старшина 1-й статьи Александр Фидровский, гвардеец летчик Каберов были тогда молодыми поэтами, выращенными Балтикой. Многие их стихи читаются как фронтовой дневник.

В одном из авиационных балтийских полков я познакомился со старшим лейтенантом Игорем Каберовым. В тот день он сбил над Ленинградом седьмой самолет «Мессершмидт-109». Каберов родился в 1917 г. Маленького роста, подтянутый, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди, он был любимцем полка, душой всякого коллективного боевого дела.

Я нередко наблюдал его в повседневной жизни полка. Вот Игорь спорит со своим товарищем о типах самолетов, собрав тесный кружок друзей, запевает, мастерски подыгрывая себе на ба-

яне. Урвав время, усаживается в землянке, в стороне, начинает что-то записывать. Свою творческую работу он начал с коротких стихотворных подписей под рисунками в редактируемом им боевом листке.

Мне запомнилось большое стихотворение Каберова «Месь». Он читал мне эти стихи. . . Радостно было наблюдать серьезность, с которой Каберов относился к своей работе. Точный план, отдельные поэтические заготовки в записной книжке, с которой Каберов не расстается, выгодно отличали его от многих «начинающих».

Запоминались описания воздушного боя; поэт рассказывает об измученной, захваченной фашистами родной земле, увиденной им с высоты, о русских городах, сожженных врагом:

Вот Петергоф, его дворцы, фонтаны,
Где возвышался бронзовый Самсон.
В садах зеленых, в золоте багряном
Сегодня он разрушен и сожжен.

Каберов-поэт, Каберов-летчик — неотделимы. Его сердце опалено ненавистью к врагу. Он мстил в бою за народ, и в этом огромная, убеждающая сила искренней его поэзии.

Я говорил уже о «машине времени», свободно перемещающей нас из нового времени в другое.

Герой Советского Союза Игорь Александрович Каберов уцелел на войне. Николай Чуковский, так же, как и я, друживший с Каберовым, придал многие его привлекательные черты одному из героев романа «Балтийское небо» Кабанкову. В романе, наверное с разрешения Игоря, даже приводятся стихи, которые писал Каберов-Кабанков. Герой романа гибнет в жестокой схватке с врагом. . .

Недавно Игорь Каберов, живущий сейчас со своей семьей в Новгороде, написал книгу воспоминаний о войне на Балтике. Один из героев его книги, любимый летчиками писатель-корреспондент Николай Корнеевич Чуковский.

Часто мы читаем в статьях два слова — литература и жизнь. В том, о чем рассказано выше, эти понятия настолько слитны, что между ними следует поставить знак равенства.

9

Нас водила молодость
В сабельный поход. . .
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Эти неумирающие слова Эдуарда Багрицкого могли бы стать девизом и нашего содружества писателей-моряков.

Старшие — Вишневский, Амурский, Зонин — сыновья времени, о котором писал Багрицкий.

А те, кто возмужал между двумя войнами, шли по кронштадтскому льду, следом за товарищами.